

Людмила Толмачева

СКАЗКА ДЛЯ АМЕЛИИ

1

Она не любила свое имя. В детстве частенько выговаривала матери: «Где ты откопала эту Амелию? Хожу как идиотка, а все вокруг только и прикалываются. Особенно Сулейкин. Представляешь, сегодня обозвал Карамелией».

«Надо же, Карамелия! — улыбалась Галина Федоровна. — Уже прогресс. Помнится, в пятом классе он дразнился Емелей. Не иначе как влюбился».

«В кого? В меня?! Очень нужно!» — сердилась Амелия, не воспринимавшая долговязого и неуклюжего одноклассника всерьез. На самом деле ей очень нравился Артем Говоров из десятого «В», годом старше ее, симпатичный парень с веселыми карими глазами. В составе школьной группы «Большая перемена» он играл на ритм-гитаре, а потому по праву вкушал сладкие плоды популярности и девичьего поклонения. Но Амелия порой замечала его взгляд, который чуть дольше положенного задерживался на ее лице. Что было в этом взгляде — она не могла понять. Если бы он бегал за ней, как обычно бегают влюбленные

мальчишки, или попросту «клеил» ее, то эти взгляды — исподлобья, волнующие — говорили бы сами за себя.

К сожалению, на дискотеках он ни разу не подошел, не пригласил на танец, не проронил в ее адрес ни одного словечка. Глубоко задетая этим равнодушием, она ревниво наблюдала за группой десятиклассников, державшихся наособицу — сплоченной шумной компанией, центром и душой которой был Артем, и к великому огорчению замечала его руку, как бы ненароком прикасавшуюся к тонкой талии Лизы Ольхиной.

Эта девушка была притчей во языцех среди учеников и учителей. Одета из дорогих бутиков, не по возрасту и с претензией на фотомоделю, с прической от известного дизайнера, она выглядела старше своих подруг. А подчеркнутая сдержанность поведения, в коей Амелия видела рисовку и надменность, делала Лизин облик таинственным и необычайно сексуальным.

Тем не менее, несмотря на наличие столь грозной соперницы, сердце Амелии продолжало изнывать тягучей тоской по выбранному идеалу. Как добросовестный бухгалтер, она вела подсчет всех знаков внимания, которыми по воле случая одаривал ее Артем — это были все те же непонятные взгляды во время перемен, или нечаянные столкновения в раздевалке, когда он

совершенно по-джентельменски уступал ей дорогу... Да мало ли таких, казалось бы, мелких, но очень важных для нее моментов происходило бесконечными школьными буднями? И по праздникам тоже кое-что перепадало.

Никогда ей не забыть новогодний бал, а точнее подготовку к нему, ответственными за которую назначили как раз их классы, то есть ее и Артема. Она неслась по коридору с праздничной стенгазетой, над оформлением которой просидела полночи, как вдруг откуда-то с высоты раздался насмешливый голос:

— Стоп! Амелия, кажется?

Она резко остановилась и задрала голову — он стоял на стремянке с огромной гирляндой в руках.

— Да, Амелия, — тихо ответила она, зардевшись от смущения.

— Не сможешь прикрепить эту хрень?

— А как?

— На подоконнике лежат бечевка и ножницы. Подай, если не трудно!

Бросив на подоконник тубус со стенгазетой, она схватила бечевку с ножницами и полезла на стремянку, но в пылу переполнявших ее чувств утратила всякую бдительность — на середине лестницы оступилась, потеряла равновесие и с визгом начала падать, увлекая за собой стремянку

вместе с Артемом. К счастью, тот успел схватиться за потолочную панель, на которой крепился светильник, и большим усилием удержал стремянку в вертикальном положении.

— Ну, блин, ты даешь! Знатно бы навернулись. Новый год в больнице или в морге — ништяк начало каникул? — посмеивался Артем, глядя на побелевшее лицо Амелии.

— Ой, как я испугалась! — выдавила она жалкую улыбку.

— Ладно, не парься, все о, кей. Серега! — крикнул он однокласснику, появившемуся на другом конце коридора. — Вали сюда! Чо я один нанимался эту байду развешивать?

Подошедший Серега сменил Амелию, и вскоре работа у парней закипела. А ей ничего не оставалось, как убраться восвояси, то есть пойти в актовЫй зал с ощущением горького разочарования и позора.

Ну что за дура, ругала она себя, чуть не плача. В кои-то веки выпала такая удача — оказаться наедине с Артемом, да еще в момент, когда ему требовалась ее помощь, и так облажаться! Неуклюжая корова! И зачем только она появилась на свет — некрасивая, с идиотским именем, в неполной семье со скромным бюджетом?

По поводу своей внешности она страдала всегда, сколько себя помнила. И хотя мнение

окружающих в этом вопросе не совпадало с ее собственным — многие, как раз, считали ее очень даже симпатичной, — она упорно продолжала изводить себя мыслями о физических недостатках. Стоя у зеркала, морщилась и тяжело вздыхала, находя талию слишком широкой, нос — длинным, а глаза — невыразительными. Беспощадной критике подвергались также длина и стройность ног, объем бедер и прочие параметры.

Все эти переживания, разумеется, имели под собой почву. Амелия с третьего класса посещала художественную школу, много читала об искусстве, любясь итальянскими и французскими красавицами с репродукций, и ее представление о прекрасном складывалось под влиянием гениальных творений прошлого. В свой придуманный чертог «прекрасного» она впускала только избранных, а уж собственную персону отметала напрочь, как недостойную, презренную частицу серой, безликой толпы.

Свою любовь, тайную, безнадежную, но вместе с тем страстную, ревнивую, она хранила в душе, берегла от чужих глаз, не выказывая даже Артему. Да и что говорить? Кто она и кто он? Как далекая звезда в ночном небе, этот парень казался недосыгаемым для нее, а потому мечты о свиданиях, поцелуях и прочих сердечных вещах походили больше на сказку — красивую, несбыточную

фантазию.

Ее художественное воображение рисовало их встречи на фоне средневековых замков, белеющих горных вершин и ревущих водопадов.

Вот он, придерживая одной рукой полы своего бархатного плаща, подает ей вторую руку, чтобы перевести через узкий мостик над лесным ручьем. А она, всем существом вверяясь ему, трепеща и замирая, кладет свою ладошку в его сильную ладонь, и сложное чувство защищенности, тепла и восторга переполняет ее сердце.

Эти видения, как утонченная пытка, неизбежно приходили перед сном, когда она, отложив книгу и выключив светильник, уже готовая заснуть, лежала в темноте своей комнаты.

Так продолжалось до тех пор, пока не произошли события, раз и навсегда покончившие с глупой романтикой девичьих грез.

Сначала поползли слухи о беременности Ольхиной, затем разразился скандал с вызовом родителей, педсоветами и комиссиями и, наконец, апофеозом этой истории стало исчезновение Артема и Лизы из школы.

Как оказалось, делать аборт было поздно, Ольхиной предстояли роды. Артем, виновник несчастья, приключившегося с одноклассницей, натерпелся немало, но все обошлось. Родители незадачливых Ромео и Джульетты помирились и

пришли к согласию — поженить детей по достижении ими совершеннолетия.

Амелия слышала, что Артем перевелся в вечернюю школу, а работать устроился не то в фирму отца, не то — будущего тестя. Впрочем, эти подробности ее не интересовали. Отныне образ первой любви не то чтобы померк, а отдалился, он уже не принадлежал ей безраздельно, больше того, в душе поселилось чувство вины, словно она совершила кражу. Да-да, она присваивала чужое в то время, когда между этими двумя свершалось любовное таинство.

Она не должна была, пусть даже мысленно, лезть в их отношения. По какому праву она мечтала о встречах с Артемом, если в этот момент уже билось маленькое сердце их с Лизой ребенка? Какая же она наивная дура!

Именно так ее часто называла Серафима — однокурсница и давнишняя подруга. Они дружили с первого курса Суриковки, правда, в последнее время виделись редко, но связи не теряли.

Сима — полная ее противоположность. Практичная, твердо стоящая на земле, решительная и целеустремленная. И внешность у нее соответствующая: крепкая фигура, сильные руки, прямой взгляд из-под русой челки, на которую она во время работы отчаянно дула, выпятив нижнюю губу.

Амелия знала — если Серафима дует на челку, значит, творческий процесс близиться к счастливому завершению. Из-под ее кисти или карандаша вот-вот выйдет очередной шедевр.

После окончания института судьба разбросала ребят из их группы, как и подобает, совершенно непредсказуемо. Один стал популярным портретистом, двое — преподавателями «художки», Серафима, благодаря своему общительному и предприимчивому нраву, внедрилась в бригаду реставраторов православных храмов, что давало ей неплохие заработки.

А вот Амелии не везло с выбором трудовой деятельности, хоть ты лопни! Сначала она устроилась в одно из издательств дизайнером, полагая, что будет иллюстрировать книги, но в ее рисунках никто не нуждался. Все, что от нее требовалось, это сделать компьютерный коллаж обложки очередной книги.

Через год рутинной работы она сбежала в рекламное агентство, где творчества было немногим больше, но зарплата вдвое превышала прежнюю. Здесь Амелия продержалась два года, пока не вышла замуж. Оформляя декретный отпуск, она уже знала, что на ее место приняли новенькую, а перспектива возвращения из отпуска на прежнюю работу была так же призрачна и ненадежна, как и ее нелепое замужество.

«Желаю вам терпежа! — сказала Серафима во время свадебного застолья. — Но не того, который «уж замуж невтерпеж», а того, когда хочется вцепиться в прическу супруга и от всей души отметелить за «все хорошее». Однако ты мудро понимаешь, что это не решение вопроса, и переводишь отношения в вербальную плоскость, по возможности, с нормативной лексикой. Вот за этот терпеж я и поднимаю сей бокал шаньпанского!»

Серафима вообще любила откровенные и прямые высказывания, излишний пиетет праздничных церемоний вызывал в ней неодолимую скуку, а потому словечками типа этого «шаньпанского» она невольно снижала пафос поздравительных речей.

Именно к ней первой примчалась Амелия с жалобами на загулявшего мужа. Произошло это через полгода после свадьбы.

— А я тебя предупреждала, — напомнила ей мудрая подруга, не дослушав до конца нытье про то, как «я всю ночь не спала — в окно смотрела», — чтобы держалась подальше от нашего брата-художника. Это народ непостоянный, особенно мужики. Сама из этого племени, знаешь. Сегодня он тебя боготворит, «музой» называет, а завтра с трудом выносит. Его уже все в тебе раздражает — начиная с походки и заканчивая манерой выдавливать краску из тюбика. И потом, в

женщинах они любят молодость и энергию. Сейчас у тебя этого добра навалом, а лет через десять? Ты перестанешь его вдохновлять, но вряд ли согласишься на роль просто друга и соратника, уступив место в койке молодым натурщицам. Ведь так?

— Злая ты, Симка, — хныкала Амелия, разочарованная такими «утешениями» подруги. — Я к тебе не за тем через весь город ехала, чтобы выслушивать нравоучения.

— Ладно. Не хнычь. Давай я тебе успокоительного чайку заварю — сразу все печали как рукой сымет.

Надо заметить, что у Серафимы был пунктик — коллекционирование трав на все случаи жизни. Это было не просто увлечением, а просто-таки манией, болезненным пристрастием. Будучи все время в разъездах, бывая в самых отдаленных уголках страны, она собственноручно собирала сырье для своих целительных, как она уверяла, чаев и настоек. А в тот промозглый февральский вечер, оставивший в сердце Амелии первую зарубку разочарования в браке, Сима заварила какой-то сложный сбор фиолетово-бурого цвета с лавандовым запахом.

Следующим утром Борис как ни в чем ни бывало заявился домой и с ходу спросил: «У нас есть суп?» Ошарашенная такой сверхнаглостью,

Амелия проямлила: «Вчерашний, в холодильнике» и проводила мужа, шагнувшего в кухню, растерянным взглядом.

Весь рабочий день, сидя перед дисплеем компьютера, она готовилась к выяснению отношений, которое наметила на вечер. В голове почему-то засела одна-единственная фраза: «Мой голос теперь знают во всех моргах города», дальше которой дело не шло. Вернее шло, но получалось как-то занудно, противно даже самой себе, а уж про Бориса и думать нечего — не станет он, свободный художник, утонченная натура, выслушивать бабьи нюни о совести и «мучительных часах ожидания».

А вечером, как на притчу, их пригласили на день рождения, после которого была незабываемая ночь, с признаниями, ласками и мужниным «прости».

Она простила, как делала потом не раз, но всему есть определенные границы. Когда же поняла, что их больше ничего не связывает, кроме ребенка, на которого мужу не хватало ни времени, ни душевных сил, первой настояла на разводе. Удивительно, но в загсе, ожидая своей очереди на получение свидетельства о разводе, они болтали как старые друзья — легко и без взаимных оскорблений. Расстались тоже вполне непринужденно: Борис пообещал участвовать в воспитании сына, Амелия в свою очередь

попросила его почаще звонить и забегать на огонек.

«Полный дурдом! — произносила она мысленный монолог, шагая по осенней аллее, постепенно приходя в себя после свершившегося уже официально акта расставания. — Для чего все это было: свадьба, все эти страсти-мордасти, моя безудержная ревность? Чтобы вот так спокойно разойтись? Будто дети — поиграли, пошумели, а потом разобрали свои игрушки и разошлись по домам. Правда, моя «игрушка» сейчас с бабушкой, ревет, наверное, на весь дом, капризничает, не хочет без меня есть кашу. А Борису все до фени. Свободен, красив, талантлив, словом, в полном порядке! Не жизнь, а сплошной кайф! Видите ли, он готовится к выставке. Актуальный художник, концептуалист! Весь в творческом поиске и борении. Гад!»

Но жизнь так или иначе брала свое: работа, подрастающий сынишка, беготня по магазинам и поликлиникам, вечные домашние хлопоты — все это отнимало силы и время, а заодно притупляло эмоции и очищало душу. Вспышки праведного гнева в отношении Бориса если и возникали, то скорей по привычке, что называется, с затухающей амплитудой, пока не наступило глубокое безразличие и спокойное переосмысление прошлого.

Вторым в ее жизни мужчиной стал владелец

мебельной фирмы, куда ее взяли дизайнером. Виктор жил холостяком, разойдясь с женой, менял случайных любовниц, а когда пригляделся к Амелии, проработавшей в фирме четыре месяца, то удивился ее почти монашеской строгости при наличии несомненных женских достоинств.

На первом же «корпоративе», по случаю майских праздников, он пошел в атаку, пустив в ход весь арсенал испытанных на практике средств оболъщения — сыпал комплиментами, гипнотизировал долгим взглядом сквозь сигаретный дым, стискивал в ладонях ее гибкую талию во время танца.

Амелия отзывалась на его ухаживания весело и даже задорно, но не позволяла лишнего. Ему казалось это ловкой игрой, рассчитанной на разжигание страсти, но вскоре пришлось жестоко поплатиться за этот самообман.

В фойе ресторана, куда вышла Амелия, чтобы поправить волосы и макияж, Виктор рванул не сомневаясь в близкой победе. Ему не терпелось заключить в объятия эту «сексапильную штучку», прильнуть к ее губам, жадно втянуть их в свой рот, чувствуя сладкую упругость и одновременно податливость. Его голова кружилась от запаха ее парфюма, стойко державшегося на пиджаке, мышцы живота непроизвольно сжимались, а в груди не хватало воздуха.

Будто нарочно, она спряталась в нише огромного окна, укрытая от посторонних взглядов, и подкрашивала губы, глядясь в зеркало пудреницы. «Не помешал?» — спросил он, подходя вплотную и почти задыхаясь от желания. Она не успела ответить, как оказалась в его железных объятьях, и словно птичка в силках, забилась, затрепетала, пытаясь освободиться. Но он не отпускал, пока не испил до конца пьянящий нектар ее губ. Разжал объятия, чтобы посмотреть в ее глаза и сказать, что влюблен в нее, но в этот миг получил страшный удар в пах. Она ударила коленом, безжалостно, не думая о последствиях, а потом убежала из ресторана с бешеной скоростью, точно за ней гнались.

В метро успокоилась и, трезво взглянув на произошедший инцидент, ахнула — завтра придется писать заявление об уходе, а значит, снова начнется эта выматывающая «бодяга» с поиском работы: звонки, электронная почта, резюме, вежливые отказы. И это в момент, когда за душой — ни копейки, да еще парочка кредитов как камень на шее.

Господи, ну зачем она поперлась в этот ресторан? Ведь не очень-то и хотелось. Видите ли, неудобно отрываться от коллектива, подумают, что гордычка, что возносит себя выше остальных. Она и с шефом старалась быть подемократичнее, чтобы,

не дай бог, не показаться «синим чулком» или перезрелой недотрогой. И вот во что вылилась ее «демократичность», черт побери!

Но ничего не поделаешь. Извиняться она не собирается — еще этого не хватало! А он, наверняка, отомстит — уволит без всяких компенсаций, да еще с «волчьим билетом» в придачу, то есть оповестит все мебельные предприятия, а заодно и кадровые агентства, о неблагонадежности бывшего дизайнера.

Не сомкнув до утра глаз, бледная, но решительная, Амелия вошла в кабинет директора и, стараясь не смотреть в его глаза, молча положила на стол заявление.

— Что это? — охрипшим голосом спросил Виктор и, надев очки, пробежал глазами текст. — Та-а-к. Значит, добить решили? Сначала чуть евнухом не сделали, теперь еще и без дизайнера меня оставляете. Откуда вы такая свалились на мою голову? Неужели мой невинный поступок заслуживает такой суровой кары? Да что вас, ни разу не целовали, что ли? Ну хотите, я извинюсь? Простите, ради бога, неуклюжего кавалера, который возомнил черт те что. Я ведь и в самом деле подумал... А! Теперь уже не важно, чего я там подумал. Ну что вы молчите-то, будто каменная баба с острова Пасхи? Скажите хоть что-нибудь! К примеру, какой я развратный тип! Домогаюсь вас,

используя служебное положение. А вы вся из себя деловая и принципиальная, не женщина — робот. Вам до лампочки простые человеческие чувства и...

— Это смешно, поймите! — перебила словоохотливого шефа Амелия и усмехнулась: — Вы же умный человек. Все эти амуры на работе до добра не доводят, лишь вредят делу и репутации. Кроме того, я на такую роль совсем не подхожу, поверьте!

Ее спокойный, дружелюбный тон, заставил Виктора по-иному оценить ситуацию. Он окинул молодую женщину особым, заинтересованным взглядом, встал, прошелся по кабинету, затем приблизился к окну и, распахнув его настежь, повернулся к Амелии.

— Вот что. Никакого вашего заявления я не подпишу. Работайте. Даю честное слово, что больше это не повторится.

И она осталась. Надо отдать должное Виктору — за полгода, что проработала Амелия с того памятного разговора в кабинете, он был безукоризненно вежлив и официален не только по отношению к ней, но и ко всем женщинам их небольшого коллектива. Эту разительную перемену в поведении начальника заметили все. Секретарша Жанна, менявшая цвет волос и любовников с частотой лунных затмений, громогласно

высказалась по этому поводу во время одного из дамских чаепитий:

— Прикиньте, девочки, ни одного знака внимания за несколько месяцев! Тут что-то не то. То ли заболел, то ли влюбился.

— Не говори, Жанна, — подхватила тему главбух Генриетта Васильевна, пышнотелая блондинка неопределенного возраста. — Раньше заглянет в бухгалтерию, насмешит, анекдот полускабрезный расскажет, одной — комплиментик, другой — подмигнет, глядишь и день не зря прожит. Словом, душка, а не начальник. А теперь весь такой серьезный, чопорный, прям, английский пэр, не меньше.

— А я знаю, когда это с ним началось, — заявила сладкоежка Мурзина, зам Генриетты, откусывая половину пирожка с повидлом.

Женщины с нетерпением ждали, когда Мурзина прожует и продолжит.

— После майских праздников, — наконец сказала та и бросила ехидный взгляд на Амелию. — Помните наш междусобойчик в «Кенгуру»? Амелия, как ты там зажигала с шефом! Это было что-то с чем-то.

— Не помню, — отозвалась Амелия, уткнувшись в чашку с остатками чая.

— Как же! А мы помним! — воскликнула Генриетта, легко повернувшись на крутящемся

стуле в сторону дизайнера. — Амелия, неужто ты сделала это? Сразила нашего начальника, неподдающегося ни на какие женские примочки, в самое сердце?

— Ничего я не делала, не выдумывайте, — рассердилась Амелия. — И не надо мне тут про неподдающегося начальника. Разве не вы только что ностальгировали о лучших временах, когда вас тискали по углам и нашептывали сальности?

— Ну-у, дорогая, ты божий дар с яичницей-то не путай, — с сарказмом произнесла Мурзина. — Одно дело за ляжку ущипнуть, так сказать, для поднятия тонуса, и совсем другое — по уши втюриться.

— И не просто втюриться, — уточнила Жанна, — а полностью переродиться. Я, например, совсем не узнаю Виктора Михалыча. Такой, знаете, сдержанный стал, не накричит, не отругает, как раньше, а вежливо объяснит, попросит переделать, если что-то не так. Просто идеальный шеф.

— О-о! Похоже, все идет к свадебным приготовлениям, — резюмировала Генриетта и лукаво спросила: — Амелия, признайся, предложение уже было?

— Да отстаньте вы от меня! — в сердцах крикнула та и пулей выскочила из бухгалтерии.

Через неделю произошло событие, не оставившее у сотрудников никаких сомнений

насчет романтических отношений шефа с дизайнершей, оказавшейся «скрытной, себе на уме карьеристкой, знающей подходы к мужским сердцам».

Понедельник для Амелии выдался суматошным: то и дело ее дергали не в меру капризные заказчики, с фабрики звонил технолог по поводу замены фурнитуры, дважды приходил конструктор с требованием упростить элементы, не имеющие принципиального значения для функциональности. К вечеру у нее разболелась голова, а тут еще Жанна с объявлением о производственном совещании.

Она сидела совершенно разбитая, не вникая в суть обсуждаемых вопросов, с одним единственным желанием — поскорей добраться до дома и лечь в постель, как вдруг услышала обращенные к ней слова директора:

— Амелия Владимировна, вы заболели?

В кабинете все стихло — взоры присутствующих устремились на дизайнершу, которая от неожиданности потеряла дар речи и лишь дважды кивнула головой, мол, да, заболела.

— Так идите домой, — мягко сказал Виктор Михайлович. — Или лучше подождите в приемной. Мы скоро закончим, и я отвезу вас. А то на вас лица нет, загрипповали, не иначе. Сейчас ведь эпидемия гуляет по городу. Итак, господа, подведем итоги...

Под насмешливыми взглядами Генриетты и Мурзиной, мысленно ругая директора за неуместную заботу, Амелия покинула кабинет и решительно направилась к себе, чтобы одеться и забрать сумку. Сидеть в приемной и ждать директора она не собиралась.

На улице моросил дождь вперемешку с легкой снежной крупой, сверкающей разноцветным бисером в свете вечерних огней. Поежившись и надвинув вязаную шапочку пониже, чтобы закрыть уши, Амелия заторопилась к станции метро. У самых дверей подземки кто-то положил руку на ее плечо, она оглянулась и увидела Виктора.

— Я боялся, что не успею, — запыхавшись от быстрой ходьбы, сказал он и улыбнулся.

Если бы не эта почти детская, обезоруживающая улыбка, Амелия, скорей всего, бросила ему в лицо что-нибудь резкое, обидное. Она не испытывала к нему никаких сердечных чувств и справедливо полагала, что подобные ухаживания надо пресекать на корню.

— Вы что, оставили свой «Опель» на произвол судьбы? — стараясь скрыть равнодушие, поинтересовалась она.

— Что ему сделается? Подождет. Вот провожу вас до дому, а потом и за ним вернусь.

— А зачем меня провожать? Я вас об этом не просила, — все же не удержалась она от резкости.

Она стояла на эскалаторе, чувствуя его присутствие за своей спиной. Он не отставал, хотя и не проронил больше ни слова. В вагоне было многолюдно. Толпа прижала их друг к другу так тесно, что она слышала стук его сердца. Ее раздражала эта вынужденная близость, а он, судя по всему, был только рад. Нечаянно поймав его мимолетный взгляд, Амелия поняла, что он наслаждается происходящим. Ее даже передернуло от этой мысли. Вот ведь издержки цивилизации, черт подери! Женщины, точно жертвы на закляние, спускаются в это подземелье, чтобы добровольно отдаться в тиски мужских объятий, чужих, ненужных, унижительных.

Она не была ни ханжой, ни феминисткой, просто мужчина, посягнувший на ее свободу, тело и душу, ей не нравился. Вот и все.

Кто он такой, кроме того, что является ее начальником? Она ничего не знает о нем и даже внешне он не в ее вкусе. Пусть она одинока и давно не была наедине с мужчиной, но это не повод бросаться в любовный омут с первым попавшимся.

Возле своего подъезда, прежде чем открыть дверь, она собралась с духом и выпалила:

— Спасибо за проводы. Но больше попрошу не делать этого, мне это не нужно. Вы поняли? До свиданья!

Он ничего не ответил, так и остался под

дождем — без головного убора, руки в карманах, взгляд растерянный, словом, живое воплощение упрека женской беспощадности. А она долго не могла уснуть этой ночью, ворочалась с боку на бок, переживая вину и жалость.

В субботу они втроем: Галина Федоровна, Амелия и трехлетний Стасик отправились в цирк. Поход этот планировался давно и только благодаря Стасику. Мальчик, что называется, «фанател» от медведей. Все книжки у него были про косолапых друзей, на полках его детского уголка стояли игрушечные мишки, мультяшки на DVD тоже были на медвежью тему. А тут еще по телевизору показали рекламный ролик медвежьего цирка. С тех пор покой потеряла вся семья — Стасик целыми днями канючил, уговаривая мать и бабушку взять его на цирковое представление, где «мишки гоняют на больших мациклах».

Они столкнулись у лотка с мороженым во время антракта. Виктор стоял в очереди, держа за руку девочку лет пяти, когда подошла Амелия и спросила у пожилой дамы: «Вы крайняя?». Он оглянулся на ее голос и не нашел ничего лучшего, как громко позвать: «Амелия Владимировна, я на вас занял!». Она вспыхнула от смущения, но так как вся очередь смотрела в этот миг на нее, пробормотала: «Спасибо» и подошла к Виктору.

Купив эскимо, они медленно побрели по

фойе, объясняя друг другу, каким образом оказались в цирке. Выяснилось, что Виктор является «воскресным папой», правда, видится с Даринкой не чаще одного раза в месяц, так как жена давно замужем за другим мужчиной, и они предпочитают отдыхать всей семьей. Впрочем, он не возражает против такого расклада, так как не знает толком, чем заниматься с маленьким ребенком, да еще девочкой. Не ходить же каждую неделю в цирк.

Амелия слушала Виктора и открывала для себя новый образ начальника, какой-то домашний, человечный, даже трогательный. Прозвенел третий звонок, и они тепло расстались, условившись встретиться на крыльце после представления.

Виктор предложил отвезти их на своем «Опеле», и Амелия согласилась. Сначала он доставил на место Дарину, которая жила в центре, а потом повез семью Амелии в их Теплый Стан.

Она сидела впереди и бросала тайные взгляды на Виктора. Ей нравилась его манера вождения автомобиля, уверенная, без суеты.

Кроме того, приглядевшись к его лицу, она нашла его профиль мужественным, а улыбку — приятной.

Не удивительно, что уже через месяц она была во власти дум о Викторе. Приближался Новый год, все вокруг говорило о наступающих праздниках, не

миновала предновогодняя суета и дом Амелии. В один из вечеров, придя с работы, она застала мать на стремянке. Та разбирала старый хлам на антресолях.

— Достала елочные игрушки, а заодно решила навести порядок, — пояснила Галина Федоровна. — А то неудобно перед Виктором Михайловичем — подумает, что мать у тебя неряха, а значит, и дочь такая же.

— Мама, с чего ты взяла, что к нам придет Виктор Михайлович? И даже если допустить, что придет, то не полезет же он на антресоли.

— Ничего ты не понимаешь, — отмахнулась пожилая женщина. — Он уже не мальчик, а опытный мужчина. Наверняка с первой разошелся на бытовой почве, поди не кормила, не обихаживала мужа. Половина разводов из-за этого происходит. Ты давай-ка ужинай и подключайся. Надо в ванной генеральную уборку провернуть, мне одной не управиться.

Но праздник они отмечали вдвоем, у Виктора. Он жил в новой однокомнатной квартире, просторной, не уступающей по площади трехкомнатным в старом фонде. Амелия помогала Виктору готовить салаты, накрывать стол, наряжать елку, чувствуя при этом внутреннее напряжение, от которого не могла избавиться. От нее не укрылось, что он тоже волновался, — его пальцы слегка

дрожали, когда он вынимал из упаковок купленные накануне игрушки.

Первая их ночь запомнилась ей собственной нескладностью, мучительными переживаниями по поводу внешности, в том числе из-за неудачно подобранного белья, а также разочарованием, наступившим после свершившегося акта любви.

Боже, как она тряслась перед этим! Охваченная желанием — что неудивительно после стольких месяцев воздержания, — несмотря на все ее дурацкие комплексы, она отдалась страсти так, словно бросилась на «тарзанке» в пропасть. А в итоге — полный пшик на постном масле! Да и в последующие дни любовные утехи не принесли желанного удовлетворения. Сначала она винила в этом только себя, неискушенную в интимных делах неудачницу, но со временем пришла к другому выводу: без любви не бывает полноценного секса. Ведь она не любила Виктора. По крайней мере, тех чувств, что были когда-то к Борису, она не испытывала.

Весной из рабочей командировки вернулась Серафима, они устроили девичник в ее «полуторке», купленной по ипотеке, выпили сладкой, с запахом можжевельника, настойки, и Амелия разоткровенничалась с подругой о самом насущном.

— Ну и чего ты хочешь? — Сима была как

всегда безапелляционна. — Чтобы со всеми, всегда, при любых обстоятельствах у тебя были множественные оргазмы? Не слишком шоколадно?

— Но я не об этом.

— А о чем?

— Как тебе объяснить? Короче, я неполноценная женщина, и все тут.

— Интересно, кого ты считаешь полноценными?

— Тех, кто не комплексуют в момент интимной близости, а забывают обо всем на свете, отдаваясь страсти безоглядно.

— Может, познакомишь хоть с одной «полноценной», для передачи передового опыта?

— А ты сама, разве не такая?

— Я?! Ха-ха-ха! Бог ты мой, Емеля ты моя Емеля, не зря у тебя в школе эта кликуха была.

— Только до пятого класса, так что не придумывай, если не знаешь.

— Ладно, не заводись. Вот что я тебе скажу, дорогая, выбрось из головы свои умозаключения, не имеющие под собой никаких практических оснований. На самом деле каждая вторая баба в постели просто актриса, умело или, наоборот, неумело имитирующая огонь страсти. Не исключая, конечно, что в пору первой любви некоторые и переживают феерию, но это проходит. А вообще, многое зависит от мужиков. Ну и нам,

естественно, бревном не надо валяться. Сечешь?

— Ты мне еще «Камасутру» предложи в качестве ликбеза.

— А ты не подначивай. Сама этот разговор начала. Кстати, о «Камасутре». Вот покажи мне, в какой позе в последний раз вы были?

— Что?! — прыснула Амелия и вдруг расхохоталась.

— Ржать потом будешь, поняла? Как говорится, хорошо ржет тот, кто...

— Овса поел? — со смехом перебила Амелия.

— А ты, к примеру, знаешь позу «шестьдесят девять»?

— Не-а!

— Господи, и это дитя еще мечтает об оргазме!

— Да не об этом я мечтаю!

— А об чем?

— О полной гармонии. Чтобы и душа, и тело возносились...

— Душа возносится на девятый день, но это уже другая история. А тебе надо, чтобы «заработали» все твои эрогенные зоны. Вот для этого и надо определиться с позой. Еще не понятно?

— Да понимаю я, а вот ты не желаешь меня понять.

— Знаешь, куда вам с Виктором надо пойти?

К сексопатологу.

— Еще этого не хватало!

— Ну тогда я не знаю, как тебе помочь.

— Скажи, а как у тебя с твоим Петром?

Полная гармония?

— Полный киндец у нас, а не гармония. Разбежались. И если быть точной, нашел он себе помоложе и покрасивше. И даже из бригады ушел. Короче, начал новую жизнь.

— Ой, Симочка, прости меня за эгоизм. Я тут со своими проблемами лезу, а у тебя своих хватает.

Тяжело вздохнув, Серафима встала из-за стола, сняла со стены гитару и села на диван, настраивая инструмент на нужный лад.

— Спой нашу любимую, а? — тихо попросила Амелия.

Серафима кивнула и запела низким, с приятной хрипотцой, голосом:

В чем отказала я
тебе,
Скажи?
Ты целовать
просил —
Я целовала...

Амелия разрывалась между двумя домами. Уже год они жили с Виктором гражданским браком в его квартире, а Стасик оставался у бабушки. Галина Федоровна просто не отдала внука, мотивируя свой поступок по-житейски мудро: «Сначала сама привыкни, а потом уж ребенка забирай. На работу и то, с испытательным сроком берут».

Скучая по сынишке, Амелия придумывала поводы, чтобы лишний раз съездить к матери, повидаться, надышаться молочным запахом детства, прижимая к груди худенькое тельце малыша. Испытывая чувство вины перед Стасиком, она задаривала его игрушками и сладостями, никогда не ругала, потакала любым просьбам и капризам. Бабушка ворчала, мол, испортишь характер ребенка таким воспитанием, но Амелия ничего не слышала и, словно одержимая, вновь бежала в магазин за очередной прихотью сына.

Виктору не по душе были частые отлучки жены, да и ее отношение к сыну, которое иначе как «слепой любовью» не назовешь, вызывало в нем протест, но он сдерживался, понимая, что не имеет морального права что-либо требовать. Однажды он сделал ей предложение зарегистрировать брак, однако Амелия отклонила его, дескать, они не достаточно узнали друг друга, чтобы узаконивать

отношения.

Виктор и не подозревал, что за этой банальной фразой скрывалось смятение женской души, которая не находила покоя, терзаясь сомнениями и неудовлетворенностью.

Ах, Сима, Сима, размышляла порой Амелия, если бы все сводилось только к пресловутому оргазму, то не было бы, наверное, этой тягучей душевной канители. Уж как-нибудь приспособились бы они, к тому же сексопатологу сходили, что ли. Но все гораздо сложнее. Почему ей скучно с Виктором по вечерам? Все эти вернисажи, концерты и рестораны, как ни странно, не обогащали, а наоборот, выхолащивали ее внутренний мир. Пустоту — вот что ощущала она внутри себя в последнее время.

А он строил планы. Вначале, по его мнению, им необходимо сменить квартиру на более просторную, в которой будет и детская, и кабинет, и спальня. Второй очередью пойдет мебель и бытовая техника. Кроме того, не хотелось бы откладывать в долгий ящик поездку на Красное море. Гришка Судаков в прошлом году там отдыхал, говорит, что большего кайфа не ловил. А они чем хуже?

Амелия кивала, как бы соглашаясь с его доводами, но по сути оставалась равнодушной к этим идеям.

Нельзя сказать, что она совсем не любила Виктора. Много в нем вызывало симпатию: и умение работать, и внимательность, и заботливость. Правда, все эти модные тряпки, которые он ей навязывал, чуть ли не силой таская по бутикам, были данью престижу, служили имиджу преуспевающего бизнесмена, у которого жена должна быть не хуже, чем у остальных.

Но сердце по-прежнему изнывало непонятной тоской. И уже обозначились первые несовпадения во взглядах и вкусах, вызывавшие поначалу недоумение, позднее — досаду и раздражение.

Воспитанная интеллигентной матерью, с детства считавшая искусство неотъемлемой частью своей жизни, привыкшая возводить творчество в ранг священного ритуала, столь же обязательного для нее в повседневной жизни, как, например, умывание, Амелия болезненно воспринимала художественное невежество Виктора. И дело было вовсе не в уровне познаний — он мог, например, отличить Мане от Моне, — а в его полном безразличии к тому, что принято называть прекрасным. Иногда ей приходила мысль, что под «прекрасным» они понимают разные вещи. Они и сами были из разных миров. Все эти дорогие хрустальные безделушки, штампованные панно в вычурных рамах, современные статуэтки «под рококо», которые с упоением коллекционировал

Виктор, кололи ее взыскательный глаз, прямо-таки лезли в душу с мещанской бесцеремонностью.

Вспоминая Бориса, она сравнивала двух мужчин, и всякий раз приходила к одному выводу: бывший муж, несмотря на все его недостатки, был «своим». Они понимали друг друга, так как оба принадлежали к сословию сумасшедших, снедаемых духом творчества язычников, поклоняющихся сразу нескольким божествам: Рублеву, Джотто, Полену, Кандинскому... И как бы не иронизировала Серафима насчет «друга и соратника», Амелия страстно желала быть для мужа и тем, и другим.

А были ли они единомышленниками с Виктором? Любовники, коллеги по работе, а теперь уже и партнеры по бизнесу, неразлучные тусовщики в клубах — много это или мало? Может, для какой-то другой женщины вполне достаточно, чтобы ощущать полноту жизни и считать себя счастливой. Но для Амелии томление души уже стало непреодолимым. Не заглушали его ни вечеринки с друзьями Виктора, ни любовные утехы, ни шопинги. Кроме того, ей казалось, что Виктор нарочно не дает ей продыху всей этой развлекаловкой, чтобы увести от сына, и вообще, от прежней жизни. Ему, похоже, на руку было отдельное проживание с пасынком.

Однажды она задержалась у матери дольше

обычного. Поиграв со Стасиком в «стройку» и почитав ему Маршака, закрылась в своей комнате с этюдником. Натянутый на подрамник холст был загрунтован еще с незапамятных времен и пылился на шкафу. С жадностью путника в пустыне, припадающего к долгожданному источнику, она кинулась в работу над городским пейзажем.

Это был вид из окна, который она писала одержимо, не ощущая времени, забыв обо всем на свете. Насколько соскучилась по живописи, она поняла лишь в эти мгновенья и ужаснулась своему долгому безделью. Неужели вся ее нынешняя хандра — лишь последствие праздной жизни? Как же она не догадалась об этом раньше?

Виктор встретил ее суровым взглядом и молча вернулся к телевизору, где шла юмористическая программа. Ей пришлось оправдываться, подыскивать слова, почти унижаться, и он смягчился, тем более что доказательства ее безобидной задержки — не до конца смытая с ладоней масляная краска — были налицо.

Тогда он не придавал особого значения ее «новому» занятию, посчитав его обычным бабьим заскоком. Ничего, прольется этот внезапный летний дождик, думалось ему, и вновь их небосклон засияет, безмятежно и комфортно. Как же он ошибался!

Не удержать дикую кобылицу, почувавшую

дыхание весны, так и Амелию невозможно было остановить в ее творческом порыве. Она уже не обращала внимания на недовольную физиономию Виктора, а на упреки просто не отвечала, отмалчивалась. Тем более что работа приближалась к завершению — еще пара сеансов и пейзаж будет готов.

Радуюсь своему успеху — удалось передать состояние серого февральского дня, она мчалась к своей картине с замирающим сердцем: вот она войдет в комнату и с холста на нее глянет родной образ городской улицы — фрагмент мостовой, фасад дома, часть сквера и небо. Серебристо-серые, голубовато-лиловые цвета с вкраплениями терракоты и ультрамарина — как близка ей такая гамма, как созвучна ее душе и творческой манере!

Она была уверена, что Виктор, увидев ее шедевр, отгадет, поймет и даже будет гордиться и хвастать ею перед друзьями.

По завершении работы, когда краски просохли, Амелия аккуратно упаковала холст в большой полиэтиленовый пакет и поехала к Виктору.

В предвкушении восторженной встречи она влетела в подъезд, не помня себя поднялась на лифте и позвонила в дверь. Ей никто не открыл. Растерянно потоптавшись, догадалась открыть собственным ключом. Дома никого не оказалось.

Он пришел под утро, пьяный, пахнувший коньяком и чужими духами. С этого момента все покатилося под откос. Окончательную точку Амелия поставила после корпоративной вечеринки, устроенной в офисе по случаю женского праздника. Она нечаянно застучала Виктора с Жанной, когда тот в пылу страстей повалил секретаршу на ее огромный стол, задирая при этом юбку.

Скандалить она не стала, просто тихо ушла, отовсюду — с работы, из квартиры, из его жизни. Навсегда. А картину все же оставила, как напоминание об их короткой любви, которая, несмотря ни на что, была. Если так болезненно сжималось сердце при расставании, если охватывал озноб от его настойчивых звонков и эсэмэсок, на которые она не отвечала, значит, была любовь, а иначе что это было?

Галина Федоровна из-за переживаний о нескладной судьбе дочери слегла в больницу — обострилась язва и донимала гипертония. Амелии пришлось сидеть дома — какая уж тут работа, когда и к матери с передачей надо успеть, и с сыном пришлось сидеть, у которого то ОРЗ, то весь сад на карантине.

Она продавала в «Сэконд хэнд» модные тряпки, подаренные Виктором, относила в скупку золотые вещи, выручая за них гроши. Этого едва хватало на квартирную плату, лекарства и

скромные продукты. Но работу она все же искала.

В одной из газет наткнулась на объявление керамического завода, которому требовался художник. Зарплату предложили мизерную, но с перспективой на повышение, мол, предприятие молодое, с большими планами по развитию.

На следующий день, как только мать выписали из больницы, она поехала на завод. Дорога заняла больше часа — три пересадки и четверть часа пешком, но работа понравилась.

Еще в студенческие времена ей приходилось расписывать глиняную посуду — была у них курсовая по декоративно-прикладному искусству — так что премудрости новой профессии освоила быстро.

Начальник цеха декоративной керамики, пожилой дядечка с дыханием астматика, то и дело посматривал на молодую художницу, ловко расписывающую чашку, а потом спросил:

— А говорила, что без опыта. Где ты этому научилась?

— В институте.

— Так ты и с глиной, наверное, работала?

— Немножко.

— У нас тут мастерская по эксклюзиву есть, это значит, в единичном экземпляре изделия идут, может, попробуешь?

— Не знаю, получится ли.

— После обеда сходим в мастерскую, посмотришь, какую красоту лепят, глаз не оторвать. Может, и из тебя толк выйдет.

А когда на пробу было сделано небольшое панно в абстрактном стиле, и его взяли в художественный салон, Амелию перевели в мастерскую. Ей понравилась царящая здесь атмосфера добродушного юмора и взаимного доверия. Несмотря на конкуренцию — все-таки заработок зависел от индивидуального мастерства и распределения заказов, — коллеги приняли новенькую на удивление дружелюбно, помогая на первых порах советом и примером.

Иногда, выполняя какую-нибудь рутинную операцию, она отвлекалась на посторонние мысли, в которых не то чтобы жалела себя, а, скорее, недоумевала: отчего ей так не везет с мужчинами? Какой-то тайный порок прячется в ней? Какая-то ущербность? Или просто она не умеет любить? Тогда как надо любить, чтобы привязать мужчину, чтобы только в ней он видел прекрасный и неповторимый женский образ?

Она не знала ответов на эти вопросы, а излить наболевшее было некому. Серафима, как всегда, колесила по стране, а мать она оберегала от тяжелых разговоров — зачем ей знать, что дочь не спит по ночам, мучаясь извечно женским: чего же им еще надо?

В конце мая вдруг позвонила Серафима и потребовала явиться к ней в течение часа. Амелия и рта не успела открыть, чтобы поинтересоваться о причине столь спешной явки, — в трубке раздались короткие гудки. Ничего не оставалось, как вызвать такси и поехать к своей экстравагантной подруге.

— Проходи, — деловито встретила Серафима, — садись и слушай, а я пока соберу вещи. Через час у меня поезд.

— Ты снова уезжаешь? Но...

— Не задавай глупых вопросов, — оборвала Серафима и энергично раздвинула двери шкафа. — Так, что мы возьмем... Ага, вот это шифоновое платье. Что еще? Наверное, этот светлый костюмчик. Ну, для гламура, думаю, достаточно. Теперь на повседневку пару сарафанов и халат... И купальник не забыть!

— Ты на юга собралась что ли?

— Какие «юга», Эмми? Ты в своем уме? Лето для нашего брата — самый сенокос, успевай заказы выполняй, да бабки зарабатывай, а ты — «юга»! Ох, и простофиля ты у меня, каких свет не видывал. Ладно, кончаем эту болтовню — ближе к делу. Короче, я уговорила нашего неумолимого стойкого солдатика Георгия Иваныча, то есть Жору, взять тебя в бригаду.

— Как это?!

— Не перебивай! Все свои «какэто» и

«чтоэто» задашь в другой раз, а сейчас внимательно слушай инструктаж. Значит, так. По приезде я сразу же позвоню, и мы обсудим детали. А пока ты срочно увольняешься со своей горшочной фабрики, пакуешь чемоданы, с учетом того, что едешь на все лето, а погода там капризная, бывают и дожди, и жара, и холодрыга, и ждешь моего звонка. Поняла?

— Нет, не поняла. Во-первых, в качестве кого меня берут в бригаду?

— Художника, естественно, не повара же.

— Монументалиста? Но я...

— Бог ты мой, какая же ты трудная, Амелька! Теперь до меня дошло, почему мужики долго не выдерживают твой характер...

— Если ты и дальше намерена плевать в душу, то прощай!

Амелия с выражением кровной обиды на лице ринулась в прихожую, а Серафима — за ней. Она едва успела схватить гордячку за рукав, когда та выбегала на лестничную площадку.

— Амель, ну ладно, ну прости, — оправдывалась Серафима. — Я и сама не знаю, как у меня вырвалось. Бес попутал, честное слово. Да фигня все это, что я сейчас брякнула. Ты же знаешь — мысли у меня слегка отстают от языка. Ляпну чего-нибудь, а потом переживаю. Пойдем обратно, а? У меня ведь совсем не осталось времени, а чемодан не собран. Ну, пошли, пошли!

Она силой утащила Амелию в комнату, усадила на диван и, присев рядом, обняла за плечи.

— Вот что я скажу тебе, Эмми. Ты потрясающая баба, таких — одна на тысячу. Это тебе художник говорит, причем даровитый, заметь. Уж настоящую красоту я вижу невооруженным глазом. Просто мужики тебе попадаются недоделанные. Вот и все. Но еще не вечер. Встретишь ты своего короля, помяни мое слово, встретишь! Мы еще такую свадьбу заморочим — на небе удивятся. Ну, простила меня?

Амелия тяжело вздохнула и, скосив на Серафиму глаза, улыбнулась. Та чмокнула подругу в щеку и, будто пружиной подброшенная, вскочила с дивана.

— Все! Через пятнадцать минут подъедет такси. Помоги упаковать вот эту обувь! Нет, не в чемодан, а в коричневую сумку. Ага, сюда. Так, где у меня голубая ветровка?

У подъезда, помогая Серафиме укладывать вещи в багажник такси, Амелия робко предположила:

— А если я откажусь от поездки?

— То будешь последней дурой, — прозвучал незамедлительный ответ, после чего последовали поцелуй в щечку и слова «Жди звонка!».

Хлопнула дверь, взревел двигатель, и такси умчало непредсказуемую Серафиму в полную для

Амелии неизвестность.

Три дня пролетели в сопровождении тяжелых дум и мучительных сомнений. Она предупредила все же начальника об уходе, чем крайне расстроила старика.

«Как же так, Амелия? — искренне огорчился он. — Мы ведь рассчитывали на тебя. Из салона две заявки поступили — уж больно твои обереги покупателям понравились, а фруктовая ваза даже за границу укатила, в Германию, кажется. Ты же свою личную марку, считай, заработала, по-современному бренд называется! И вот нате вам — увольняется! Как же так? Или кто другой переманил, на большие деньги?»

Амелия, как могла, оправдывалась, даже врала, мол, из-за длинной дороги после работы не успеваешь в садик, но ей не верили, потому что врать она не умела. А вскоре состоялся телефонный разговор, решивший ее дальнейшую судьбу.

— Ну что, собрала чемоданы? — в первую же секунду огорошила ее неугомонная подруга.

— Какие чемоданы, если я до сих пор в сомнениях?!

— В сомнениях?! Да ты с ума сошла, Коростелева? Тебя целая бригада мужиков ждет как манну небесную, а ты дурью маешься! Короче, хватит комплексовать, слушай меня внимательно: собирай вещи и бери билет на послезавтра.

Завтрашний день посвятишь подбору литературы. Нам нужно все, что касается технологии старинных фресок...

— Фресок?! Да еще по старинной технологии?! Вот уж кто сошел с ума, так это ты со своей бригадой. Неужели нельзя просто расписать стены, тем более в элементарном доме культуры...

— Во-первых, не дом культуры, а культурно-развлекательный центр, а во-вторых, не мы заказываем музыку, мы ее только играем, поняла? Слово заказчика для нас свято. А теперь о деле, и больше не перебивай. Итак, съезди в «Ленинку», отксерокопируй все, что найдешь. Потом загляни в нашу альма-матер, в мастерскую к монументалистам. Проконсультируйся. Возможно, что кто-то занимался именно такой живописью и знает о ней не понаслышке. Затем купи дешевые издания с репродукциями Боттичелли, Модильяни, Врубеля и Васнецова.

— Почему «дешевые»?

— Мы с них картоны будем делать, для будущих фресок. Придется почеркаться, понятно теперь?

— Угу.

— Ну, кажется, все. Мы тебя на перроне встретим, так что не переживай.

— Ой, Сима, а как же мама? Ведь получается, я на все лето ее со Стасиком бросаю. Она только из

больницы выписалась. Даже и не знаю, что делать.

— Да-а, проблема... Слушай, Амелия, а если вы втроем прикатите, а?

— Ни фиги себе, предложеннице! А где мы поселимся?

— Не вопрос! Заказчик обеспечил нас бесплатным жильем и даже кормежкой. Во как! Так что, брось париться, бери в охапку семейство и причаливай! Все! Жду!

Новость обескуражила Галину Федоровну. Она взволнованно задавала вопросы, строила самые невероятные предположения, опасаясь за здоровье внука и сохранность оставляемой на произвол судьбы квартиры, но другого варианта, кроме как собираться в дорогу, не находила.

Главным аргументом в пользу поездки оставался все тот же денежный вопрос. Хотя Серафима и не озвучила сумму гонорара, но туманно намекнула на щедрость солидного заказчика.

Амелия в душе посмеивалась: похоже, они там готовы молиться на своего благодетеля, пожелавшего увековечить клуб провинциального городка драгоценными фресками. Впрочем, Сима права — им остается исполнять волю хозяина, даже если ему взбредет заказать в своем Переплюеве копию Сикстинской капеллы.

На следующий день она сбилась с ног в

поиске репродукций, сборе необходимой информации и подготовке вещей к длительному отъезду. Последних набралось на два больших чемодана и три дорожных сумки. К полуночи все было готово, мать с сыном давно спали, а ей мешали заснуть взвинченные до предела нервы.

В сотый раз она перебирала в уме — пункт за пунктом — список всех вещей и не могла остановиться. Ее не покидало ощущение, что забыла какую-то важную деталь, без которой ехать нельзя. Измученная, она лишь под утро провалилась в сон, глубокий, но беспокойный, так как даже во сне пыталась «вспоминать». дита. драгоценными фресками. еля, заказанука, гу, не было. А за завтраком вдруг поняла причину своего беспокойства — отец Стасика ничего не знает об их отъезде! Он хоть и редкий гость, но все же имеет полное право знать, где находится его сын. Да и мало ли, вдруг пожелает проводить их на вокзал, что было бы для них огромным подспорьем — рук не хватает на весь багаж, а еще ребенка тащить. Тут же набрала его номер и только после десятого гудка наконец услышала хриплый голос:

— Кто в такую рань, ты, Фанерыч? Чего надо?

— Здравствуй, Борис, это я.

— Кто это «я»? Ксюха, ты что ли? Нет, чтобы вечером позвонить, так тебя не дождесся...

— Меня зовут Амелия, если ты еще помнишь

такую. Мы уезжаем сегодня, на все лето. И Стасика с собой берем. Так что не теряй!

Амелия бросила трубку, сердясь, в первую очередь, на себя: неужели она до сих пор ревнует бывшего мужа? И вообще, почему она такая не в меру чувствительная? Буквально каждая мелочь ей причиняет боль. Взять, к примеру, неизвестную ей Ксюху. Да какая в сущности разница, кто она, эта Ксюха? Блондинка, шатенка, тонкая, толстая... Да хоть коза в юбке, ей уже теперь все до лампочки! Но где-то глубоко сидит жучок и точит, и точит... Или это никакая не сверхчувствительность, а холодный эгоизм, оскорбленное самолюбие? Нет, пожалуй, все-таки обыкновенная бабья ревность. Наверное, эта Ксения совсем еще сопливая девчонка, но с хорошей женской фигурой. Борис любит таких. Все натурщицы у него именно такие: с детски наивными личиками, пухлыми губами, безразмерным бюстом и оттопыренным задом. Вульгарный тип! И сам художник, и его модели!

А! Что она завелась? Не до него теперь. Через три часа поезд, а еще надо сбегать в аптеку, заплатить за коммуналку и телефон, купить кое-что из продуктов.

И только в поезде, увозившем их все дальше и дальше от родного дома, Амелия до конца осознала, что водоворот событий, в котором ее закружила судьба, не просто случайная «халтура» с

возможностью подзаработать, а новый виток жизни. Что ждет ее за тем изгибом дороги — прежняя безысходная тоска по чему-то неосуществленному или чудесное воплощение неясной мечты? Что же там?

3

Их встретили тепло, почти по-родственному. Серафима схватила Стасика на руки и засюсюкала, коверкая слова, хотя ребенок уже давно разговаривал со взрослыми на равных. С ней было двое молодых мужчин, представившихся Матвеем и Олегом. Они забрали весь багаж и понесли к машине, так что женщинам пришлось идти налегке. Галина Федоровна, размякнув от такой заботы, называла мужчин «мальчиками» и всю дорогу восхищалась видами из окна.

Вскоре машина, проехав по немощенной окраинной улице частного сектора, остановилась у небольшого дома с чахлым палисадником. Сквозь его щербатый штакетник на улицу вылезла густая крапива.

— Хозяйка — одинокая женщина с тремя детьми, — вполголоса объясняла Серафима, открывая калитку. — Ну и чтобы вам комфортнее было, мы отдельный вход оборудовали. Побелили, подкрасили кое-что. Короче, жить можно.

— А готовить на чем? И с водой как? Далеко колодец? — задавала насущные вопросы Галина Федоровна.

— Здесь в домах природный газ, а вода в колонке. Но плита — на хозяйской половине, так что... — замялась Серафима, но тут же отмахнулась: — Да не переживайте вы, придумаем что-нибудь. Без еды не останетесь.

Из дома вышла молодая женщина в вымазанной краской спецовке и ситцевом платке, туго обтянувшем голову.

— Здравствуйте, гости дорогие, — бойко затараторила она, — меня Татьяной звать. Я щас на работу побежала, а уж вечером, как приду, мы обо все переговорим. Все вам покажу, все расскажу, как и что, а пацанов моих гоните, если куда не надо полезут. Вон они, в окошко глазеют! Вишь, интересно им!

Сквозь мутное, засиженное мухами стекло на них смотрели три пары любопытных глаз, и, как показалось Амелии, абсолютно не похожих друг на друга.

Татьяна, погрозив пальцем в окно и улыбнувшись на прощанье приезжим, направилась к калитке. Серафима хмыкнула и покачала головой, глядя ей вслед, а потом громко скомандовала:

— Ну что мы стоим, пошли в дом!

Жилье, предназначенное москвичкам,

состояло из двух маленьких комнатушек с устоявшимся запахом старья и плесени, который не перебивался даже скипидарным духом свежей краски. Амелия заметила на лице матери брезгливое выражение, но промолчала.

— Вы, ребята, езжайте на объект, — обратилась к мужчинам Серафима, — а то Жора, небось, икру мечет. Стену, сами знаете, к послезавтра надо подготовить. А я тут быстренько помогу и тоже рвану. Верней, мы с Амелией рванем, так ведь?

— Что, так сразу, прямо с корабля на бал? — возмутилась Галина Федоровна. — Дайте хоть ей в себя прийти с дороги!

— Некогда нам в себя приходиться, милая Галина Федоровна! — возразила Серафима. — Здесь день, как говорится, год кормит. Кстати, у нас не шарашкина контора, а серьезная фирма. График работ нельзя срывать ни под каким соусом, даже по праздникам. Ну ладно, давайте я помогу чемоданы распаковать. В этот шкаф верхнюю одежду разместим, а в комод — белье. Стасик, а ты можешь во дворе поиграть. Заодно с соседями познакомишься.

— Погоди, Серафима, что-то ты разошлась чересчур, — остановила ее Галина Федоровна. — Мы не отпускаем Стасика одного на улицу...

— Господи, да это же тихая провинция! —

всплеснула руками Серафима. — Здесь все друг друга по именам знают. И потом, за калитку дети не пойдут — во дворе поиграют.

— Нет, пока я сама не осмотрюсь, ребенка одного не выпущу, — категорически заявила Галина Федоровна. — Вы тут с Амелией вещами займитесь, а мы погуляем.

Бабушка с внуком ушли, а подруги принялись за наведение порядка.

— Слушай, а ты сама, где живешь? — догадалась спросить Амелия, слегка ошалевшая от новых впечатлений.

— Здесь рядом. Да мы все тут поблизости друг от друга, компактно расселились. Вечером я для тебя экскурсию проведу.

— Заказчик-то скуповат, как я погляжу. Снял для бригады самое дешевое жилье, на окраине.

— Не знаешь, так не говори! Во-первых, очень удобно — отсюда до работы рукой подать, а во-вторых, это сейчас здесь окраина, а по генплану будет новый центр города. Сначала хотели старый переделать — все снести и заново отстроить, но передумали. Земли здесь полно, так зачем деньги на ветер швырять? Кстати, наши заказчики сюда свою штаб-квартиру переносят. Здесь и экология чистая и земля дешевая, по сравнению с областным центром. Посмотри в окно, видишь какое раздолье? А вон слева, за теми березами наш объект

достраивается. Татьяна на этой же стройке работает, маляром. Из местных многие там трудоустроены... Так, с этим чемоданом, кажется, все. А в этой сумке что?

— Всякая дребедень: игрушки, посуда, моющие средства...

— Ой, а про главное-то забыла! Ты привезла материал по фрескам?

— Конечно. Открой черную сумку — на дне папка лежит. Нашла?

— Угу. Ох, и тяжеленная! Тут что, всемирная история искусств?

— Ты же сама просила — все, что попадет на глаза. Вот я и постаралась. Кстати, технология расписана до тонкостей — последовательность операций, состав смесей и колеров, пропорции и т. п.

— Супер! Именно это и нужно. О! И репродукции нашла! Молодец, Эмми!

— Слушай, Сим, а не страшно за незнакомое дело браться? Мне наши монументальщики такого наговорили...

— Не бойсь! И мы не лыком шиты. В бригаде есть двое, кто этим занимался: Жора — наш руководитель, а второго Кириллом зовут — парень толковый и работающий. Он-то и будет нашим с тобой шефом. Кроме фрески будет обычная стенная роспись, на которую нацелили Матвея с Олегом.

— А всего в бригаде сколько человек?

— Девять, не считая бригадира. Я тебя сегодня со всеми познакомлю. Давай переодевайся, и погнали!

Они вышли во двор, где на куче старых бревен собралась большая компания: Галина Федоровна, Стасик и несколько местных ребятишек, в числе которых были и Татьянины «пацаны». Дети, окружив со всех сторон московскую бабушку, с упоением слушали сказку.

Мать Амелии всегда была большой мастерицей рассказывать сказки, причем большинство из них она придумывала сама. В этот раз речь шла о Бабе Яге, прилетевшей в Париж на конкурс красоты.

— А председатель жюри ей и говорит, — распевным голосом повествовала Галина Федоровна, — мол, не возьмем вас, бабушка, на конкурс, уж больно страшная вы...

— Мама, мы на работу! — крикнула Амелия.

— Галина Федоровна, вы, пожалуйста, пользуйтесь хозяйской плитой, пока другого ничего нет, хорошо? — произнесла на ходу практичная Серафима.

— Когда вас ждать на ужин? — спохватилась пожилая женщина.

— А мы на работе поедим, так что Амелия придет сытая! — прокричала Серафима уже с

улицы и тихо добавила, для Амелии: — Сытая, в смысле харчей, а за остальное не ручаюсь.

— Кончай со своими намеками, — фыркнула Амелия. — У самой-то как насчет «остального»?

— Есть один на примете, — пробормотала подруга и отвернулась, чтобы спрятать порозовевшее лицо.

— И кто же он, твой возлюбленный? А ну, поверни личико-то! — не оставляла игривый тон Амелия.

— Да ладно уж, скажу. Видишь эти голубые наличники?

— Ну и?

— Здесь он и живет. А работаем мы в одной бригаде. Он на все руки мастер — и каменщик, и плотник, и штукатур. Тоже, как и Кирилл, новенький. Правда, не все ясно с семейным положением — он старательно обходит эту тему, сколько не спрашивали. К тому же временно у нас.

— Ну и как у вас все зачинаялось, как закручивалось?

— Да ничего у нас не закручивалось. Пока только на уровне взглядов, ну и всяких там любезностей, типа «вам помочь, Симочка, с грунтовкой»?

— Какой «грунтовкой»?

— В директорском кабинете роспись делали. Ничего особенного. В смысле техники. А сюжет

занятный — коллаж на тему шагаловских картин.

— Опять же по прихоти заказчика?

— Естественно. Прикинь, они даже эскиз композиции прислали. Как ни странно, вполне грамотный. Мне осталось проработать его, потом с Кириллом уже на картон перенесли, а стену за три дня расписали.

— Как хоть он выглядит, ваш заказчик?

— Наивная ты, Амелька! Заказчик — это одна из компаний «Межрегионгаза», дочки «Газпрома». К нам приезжает их представитель, холеный такой, прям, сплошной глянec. Сразу видно — в сырьевой отрасли мужик работает. Вот на сырьевые денежки и идет здешнее строительство. Городок этот они хотят сделать своей вотчиной. Жилье построят, инфраструктуру, в то числе и культурный центр.

— Понятно.

Причудливое здание Центра, внешне напоминающее трехпалубный морской лайнер, открылось Амелии во всей красе, когда они пересекли полосу кустарника. Подруги спустились по тропке к строительной площадке, расположенной чуть ниже уровня улицы, и вскоре поднимались на высокое крыльцо здания.

«Пресловутый хайтек, — подумала Амелия, оглядывая просторный вестибюль. — Тонированное стекло, металл, бетон и бездна света. Интересно, как впишется древняя стенная живопись

в современную архитектуру? По-моему, полный бред». Будто услышав немой вопрос подруги, Серафима энергично взмахнула рукой и звонко, чему способствовала идеальная акустика помещения, прокомментировала:

— Здесь будет хайтековский дизайн: шлифованная плитка, стальные колонны, масса навороченных светильников, перегородки из термостойкого стекла «под витраж»... В общем, не наш метод. А вот концертный зал — наша епархия. Пойдем, покажу!

Они вошли в проем будущей двери и очутились в сумрачной тишине зала. Слабое освещение лишь усугубляло темноту пространства.

— Вот она, — коротко пояснила Серафима, положив ладонь на кирпичную кладку стены.

— А я уж было подумала, что стена окажется бетонной.

— Ищешь пути к отступлению? — хмыкнула Серафима. — Не выйдет, дорогая Эмми! Заказчик, которого ты так невзлюбила, не хуже нас знает, что по бетону фрески не делают.

— А сколько их будет?

— Фресок? Да всего одна! Дай бог с одной-то справиться. «Весна» Боттичелли — ни много ни мало! По плану первый этаж посвящен классике, второй — модерну: Врубель, Модильяни, Васнецов. Кстати, их будем копировать акрилом по сухой

штукатурке. А на самом верху — ресторан с дансингом в современном стиле. Все тот же неомодернизм. Поняла? Ладно, пошли наверх, с бригадой познакомлю.

На втором этаже во всю кипела работа. В двух небольших, по сравнению с концертным залом, помещениях несколько мужчин штукатурили стены — шла подготовка поверхностей для росписи. В первой комнате трудились уже знакомые Олег с Матвеем, а во второй — трое мужчин весьма колоритной внешности. Один из них, длинный, слегка сутулый, с породистым лицом и пышной шевелюрой, перехваченной замшевой ленточкой, первым оглянулся на вошедших и, скупой улыбнувшись, пошел навстречу.

— Привет, девочки!

— Знакомьтесь, это Амелия, а это наш руководитель, Георгий Иванович, — быстро произнесла Серафима, глядя при этом куда-то в сторону.

— Можно просто Жора, — сняв рабочую рукавицу, чтобы пожать руку Амелии, сказал Георгий Иванович. — Ну как, устроились? — и не дожидаясь ответа, свистнул, призывая своих коллег прерваться.

Амелия невольно задержала взгляд на темноволосом парне, худом и бледнолицом, одетом в выдавшие виды джинсы и линялую рубашку. Кого